

Чосич Бора Сербский папа постмодерна

29.05.03.

НГ Экспресс (прил. к
Независимой) - 2003 -
29 мая - с. 1-2

Бора Чосич: «Я очень люблю юродивых. Эти люди – соль»

Татьяна Бек

В маленьком Доме творчества под Мюнхеном, на так называемой вилле «Вальдберта» моими соседями

(кстати, он этот роман писал этой же баварской деревне, где есть даже соответствующий дом-музей), очень много и молчали, и говорили. Когда я вернулась в Москву,

ли его очень любят, недоумевая: а где еще книги на русском этого прекрасного прозаика? Мне даже не верили: «Как, ты знаешь самого Чосича?!» Да, теперь знаю.

– Бора, для начала я хочу наметить для нашего читателя основные вехи вашего пути: родился, учился, стал писать, очутился в итоге в таком-то творческом состоянии...

– Я родился в Загребе в 1932 году (я уже старый). В 37-м мы переехали в Белград. Там я учился в школе. Там в университете изучал философию...

– А родители ваши были кто?

– Отец был купец из совсем крестьянской семьи, а мать бы-

Лимонову как писателю позволили, чтобы он стрелял

оказались знаменитый сербский писатель Бора Чосич и переводчик русской литературы Лола Влаткович, жена, муза и соратница Чосича.

Мы, как персонажи «Волшебной горы» Томаса Манна

выяснилось, что книга Чосича «Роль моей семьи в мировой революции» (СПб.: Азбука-классика, 2001) у нас – большая библиографическая редкость, и что наши интеллектуальные, в том числе молодые, читате-

Постмодернист из крестьянской семьи Чосич и поэт Татьяна Бек.

Фото автора

ла из семьи очень богатой. На протяжении нескольких поколений у нее все были попы. Потомственные священники. Мать захотела пойти за «этого красивого мужчину». Хоть и скромный человек... Работал по продаже скобяных изделий.

Потом пришла война. Становилось все хуже и хуже. Родители моей матери ушли в изгнание из Хорватии, из Загреба – в Белград. И стали они очень бедные. Приехал социализм. Потом – сорок лет социализма.

– Вернемся к вам лично.

Когда же вы начали писать?

– Писать – в три с половиной года. В четыре? То есть я научился писать буквы: это тоже – произведения. А сочинять начал в шесть лет.

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 2

Сербский папа постмодерна

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 1

Поэзией стал заниматься в двенадцать. Это были детские стихи: я работал в одном журнале для детей, был там юным сотрудником. А редактором был известный детский писатель – Бранко Чопич. Его в России много переводили в 40-е годы. Когда мне было семнадцать, вышло мое первое стихотворение в толстом журнале. То был период моего личного футуризма.

– Почему именно футуризм стал вашей литературной купелью?

– Я читал Маяковского и переводил его с маленьким знанием русского языка. Мой перевод «Облака в штанах» вышел в свет, когда мне было двадцать. Это была моя первая книжка.

– И как же название звучит по-сербски?

– «Облак у панталонама».

– Потрясающе – в панталонах! Маяковского наверняка переводить очень трудно. Уникальная техника. Вы его переводили в рифму – или это квалифицированный прозаический подстрочник, как нынче это часто в переводе поэзии случается?

– Нет. Исключительно в рифму. Все как в оригинале. Каламбурные и составные рифмы, ритмическая лесенка...

Тогда я написал и собственную одну поэму под этим влиянием. Несколько стихотворений. Но главное, что я тогда уже писал прозу. И первая самостоятельная книжка, которая у меня вышла, – это был роман. Я его написал года в двадцать три. До двадцати шести я написал три романа. Первый назывался «Куча лопова» – «Дом воров». Второй – «Ангел пришел за своим»: строчка из нашего известного поэта-сюрреалиста Душана Матича. Слышали? А третий роман назывался «Все смертные».

– В вашей прозе с избытком игры и различных слов. Постоянные перепады форм... Все это свойственно поэтике постмодернизма... Вы себя к постмодернистам причисляете?

– Мой личный постмодернизм длился около десяти лет. Меня назвал Петер Ханке, известный австрийский писатель и поэт, когда мы с ним затеяли печатную полемику: «Папа постмодернизма». Но у меня есть и три романа, которые, по мнению многих критиков, являются сюрреалистическими. Ну а потом идет период, который я сам для себя называю «периодом европейского романа»... Сатира, ироническая проза. А после войны в Югославии я от постмодернизма перешел к личному аб-

сурдизму. Я теперь пишу совсем необычную прозу. О нашей судьбе. Но пишу и эссе, и стихи.

Русским читателям, наверное, была бы интересна моя книга о Мышкине.

– О герое Достоевского?

– Да-да. Я ее написал в конце 80-х. Это 25–30 эссе о людях искусства и философии, каждый из которых имел в себе что-то от идиота. Для меня они – позитивные идиоты. Как Ницше, как Пруст, как Хлебников, как Бруно Шульц, как Вирджиния Вулф... Бывают и негативные идиоты (и среди писателей – тоже), но это другой отдельный разговор.

– Почему ваш роман «Дом воров» был, насколько я понимаю, запрещен в Югославии?

– Да. Был... Там была у меня такая фантазия, что прилетают сотни миллионов мух... И один партизанский писатель (он известен и в России – Михайло Лалич) прочитал этот роман, который уже начал продаваться в книжном магазине, и возмутился: дескать, эти мои мухи – партизаны! А я-то писал о немцах. А он опять: «Это мы – мухи». Книгу изъяли из витрины и из продажи. Этот запрет длился полгода... Такая у нас в 50-е годы минувшего века была цензура.

Или вот еще пример из того же ряда. Двадцать лет спустя состоялась премьера инспекции романа «Роль моей семьи...» Было это в Ателье-212 – авангардный театр, где поначалу было 212 стульев, а потом стульев стало больше, но название театра осталось... После ста спектаклей начинается дискуссия. Одна женщина-историк (она тогда была идеологическим лидером, но с годами стала искренней демократкой) все время звонила с рекомендациями. И она сказала: «Это представлять на сцене не можно». В смысле – нельзя. Это, дескать, против нашего общества и нашей идеологии. И потом актриса, которая в этом спектакле играла и хотела играть, но была секретарем парторганизации этого театра, сказала наконец: «Да, играть нельзя».

– Почему же она так сказала?

– Потому что – большевик! А теперь, конечно, выдающийся сербский националист.

– Кстати, о большевиках и национал-большевиках. Вы там у себя с Лимоновым не познакомились случайно, когда он на ваших фронтах воевал?

– Нет. Не познакомился и не хотел бы. Все это было ужасно. Я знаю писателя, который переводил Лимонова, когда

тот стрелял из пулемета, не целясь, не разбирая, в кого... Теперь он, переводчик, в демократической партии Сербии – группа «17 Г».

– Что значит «17 Г»?

– Точно не знаю. Может быть, «17 граждан»... Теперь он, этот писатель-переводчик, стал важный, а тогда был с та-а-акой дурацкой бородой. С Арканом и с Лимоновым – есть фотография.

Лимонову как писателю позволили, чтобы он стрелял лично и отдельно. Что было ему как награда (ну как дают приз или статуэтку) – возможность стрелять в людей...

Все это безумие. И вообще люди в Сербии не видят, кто есть кто.

– Среди персонажей вашей прозы преобладают босяки, чокнутые, маргиналы, юродивые, «люди без определенных занятий»... Наш Шукшин назвал таких людей «чудики». Почему вы видите мир преимущественно через них, а не через героев гармоничных и положительных?

– Я очень люблю юродивых. Идиотов. У меня, повторяю, целая книга есть – «Повесть о Мышкине».

Эти люди – соль.

Полностью интервью выйдет в журнале «Вопросы литературы».